

Мимикрия под микросоциологию

Рецензия на книгу: Коллинз Р. (2025) *Насилие. Микросоциологическая теория* / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение. — 1008 с.

Рекомендация для цитирования:

Чудина П. В. (2025) Мимикрия под микросоциологию. Рецензия на книгу: Коллинз Р. (2025) *Насилие. Микросоциологическая теория*. М.: Новое литературное обозрение. *Социология власти*, 37 (3): 241-251
EDN: UVLAXA

For citation:

Chudina P. V. (2025) Mimicry of Microsociology. Book Review: Collins R. (2025) *Violence. A Micro-sociological Theory*. Moscow: New Literary Review. *Sociology of Power*, 37 (3): 241-251

Поступила в редакцию: 07.09.2025;
принята в печать: 22.09.2025
Received: 07.09.2025; Accepted:
22.09.2025

© Author, 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Полина В. Чудина (ВРУБЛЕВСКАЯ)

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0001-7005-9591>

241

В этом году на русском языке вышел солидный труд американского социолога Рэндалла Коллинза «Насилие: Микросоциологическая теория» (*Violence: A Micro-sociological Theory*) в отличном переводе Николая Проценко. Поскольку с момента первой публикации в 2008 году книга именитого автора получила уже множество рецензий в лучших международных социологических журналах, включая *American Sociological Review*, всестороннее внимание и популяризацию в работе других авторов, а также признание в виде премии Американской социологической ассоциации в 2011 году и, более того, содержательное продолжение в следующих книгах Коллинза «Харизма. Микросоциология власти и влияния» (Collins 2020) и «Взрывной конфликт: Временная динамика насилия» (Collins 2022), теперь о ней невозможно писать вне контекста того, «что было дальше».

Более конкретно предлагаю разобраться, насколько интеллектуальный труд Коллинза стоит расценивать как проект именно *микросоциологической* теории насилия.

Относительно интеллектуального бэкграунда Коллинза важно иметь в виду, что его теория насилия развивалась поступательно, на перекрестке его магистральных исследовательских интересов и исходя из многочисленных эмпирических наблюдений — собственных и чужих, чаще всего студентов и коллег по университетской среде, — на протяжении десятилетий. Прежде всего, она несет в себе заряд социологии конфликта, где Коллинз последовательно придерживался неовебериянского подхода в макросоциологической перспективе. Именно отсюда в качестве базовой предпосылки он берет идею о насилии как системной производной социальных отношений, в ядре которых всегда находится конфликт (а не консенсус). Заметим, что проблематизация насилия у Коллинза исходит непосредственно из макросоциологической перспективы.

Вторым слоем следует социология эмоций Коллинза, насыщенная психологическим дискурсом в силу его первого профильного образования. Эта перспектива вынуждает обращать внимание на то, какой вклад в социальные отношения вносит эмоциональное состояние индивидов, вступающих в ситуационные взаимодействия. Из социологии эмоций Коллинз заимствует концептуальный аппарат под свое базовое определение насилия как «преодоления конфронтационной напряженности/страха».

Третьим компонентом становится микросоциологический анализ ритуалов взаимодействия, описанный им в книге «Цепочки ритуалов взаимодействия» (Collins 2004). В первом же предложении этой работы автор ясно сообщает свою позицию относительно микросоциологического подхода в целом: «Теория ритуалов взаимодействия — ключ к микросоциологии, а микросоциология — ключ ко многому, что гораздо масштабнее» (Collins 2004, р. 3). Таким образом, в «Насилии» Коллинз уже вполне прагматично использует (если не сказать — «утилизировать») микросоциологический подход с целью добиться высокой степени детализации насилия, вместе с тем не отказываясь от стремления обнаружить закономерности, установить причинно-следственные связи и объяснить этот феномен через принципы генерализации, то есть вернуться на макроуровень. Такой подход Коллинза уже ранее имел успех в прославившей его работе «Социология философий: глобальная теория интеллектуальных изменений» (1998).

Автор убежден, что микросоциологический подход «вновь позволяет увидеть, что фоновые условия — бедность, расовая принадлежность, детские переживания — являются далеко не решающим фактором для динамики конкретных насильственных ситуаций» (с. 36).

Теперь следите за руками: в этом утверждении Коллинз не отказывается от макросоциологической перспективы и соответствующих ей аргументов в пользу микросоциологической логики объяснения, а фактически сталкивает микро- и макроуровни рассмотрения феномена насилия, подразумевая, что помимо «фоновых» (то есть системных) факторов существуют другие, ситуационные, и они же — «решающие». Необходимость микросоциологического подхода к насилию Коллинз обосновывает непосредственно «от противного», риторически разрывая плотную ассоциацию насилия с определенными социальными категориями населения:

Большинство молодых мужчин, бедных, чернокожих или детей разведенных родителей, не становятся убийцами, насильниками, громилами или участниками вооруженных ограблений — и наоборот: среди тех, кто совершает перечисленные виды насилия, обнаруживается немало состоятельных людей, представителей белой расы или выходцев из полных семей (с. 35).

Вторым аргументом он релятивизирует фоновые факторы, включая в предметную область рассмотрения полицейское насилие, вооруженные действия и этнические чистки (с. 35), — так называемое «хорошее» насилие, «которое вообще не рассматривается как такое, если оно совершается уполномоченными государственными агентами» (с. 36). К слову, сам Коллинз остается заложником этого конвенционального различия и не уделяет этим видам насилия столько же места, сколько домашнему, уличному, спортивному — то есть «плохому» — насилию. Третий аргумент Коллинза направлен на критику деконтекстуализации фактов насилия из цепочки ситуаций повседневной жизни, на протяжении большей части потока времени которой «присутствие насилия очень незначительно» (с. 37).

243

Однако само по себе распознавание ситуационных факторов на микроуровне еще не делает их более значимыми на фоне системных — и в своей книге Коллинз не преодолевает этот методологический разрыв, а скорее маскирует его. Свойственное автору переключение с уровня этнографического описания точечных наблюдений на уровень теоретического обобщения ключевых паттернов дается ему столь ловко, что увлеченный читатель легко поддается иллюзии, будто между этими уровнями анализа и объяснения действительно нет логического разрыва. В этом, пожалуй, очарование и величие Коллинза. Он виртуозно смешивает пестрый, разрозненный, когнитивно неудобоваримый массив эмпирии в непротиворечивый, без комочков, стройный нарратив из социально-психологических терминов, который затем подается читателю на блюдецке в виде нормативной теории макросоциологического пошиба.

То, что Коллинз играет только по своим правилам и на знакомой территории, подтверждается изоляцией его теоретического проекта от множества социологических теорий и исследований в предметной области насилия. И хотя среди литературных источников встречаются криминологи и теоретики конфликта, масштабные исторические труды и узкоспециализированные эмпирические работы, в совокупности они лишь создают впечатляющие декорации без действующих лиц и оппонентов. Все же Коллинз явным образом отмежевывается от бурдьевистской концепции «символического насилия», называя ее сугубо «теоретической игрой слов», которая не имеет ничего общего с природой реального насилия (с. 79). Принципиальное противопоставление насилия социальному порядку — идея не новая, и именно вокруг нее, через Ирвинга Гоффмана, Коллинз выстраивает свою теорию. Американский социолог обнаруживает для себя лазейку, через которую выходит из пространства дебатов о насилии: во-первых, он решает сконцентрироваться именно на микроуровне ситуационных взаимодействий лицом-к-лицу, где философские концепции насилия предшественников оказываются неприменимы, а во-вторых, в то время как многие прежде объясняли, почему индивиды вступают в конфликты, Коллинз принимается за ситуационные механизмы, которые в одних случаях выпускают насилие наружу, а в других — сдерживают его.

244

Исходя из вышесказанного, Коллинз выбирает своим объектом исследования «насильственные ситуации»:

Если же как следует сосредоточиться на самой ситуации взаимодействия — представим себе разъяренного друга молодой матери с плачущим младенцем, вооруженного грабителя, который нажимает на спусковой крючок оружия, направленного на жертву налета, или полицейского, избивающего подозреваемого, — то мы сможем разглядеть паттерны конфронтации, напряженности и эмоционального потока, лежащие в основе конкретной ситуации, в которой совершается насилие (с. 36).

Как видно, автор прямоком переводит эмпирические наблюдения в аналитические категории, не считая нужным приоткрыть перед читателем процесс интерпретации. Именно поэтому складывается впечатление, что Коллинз не разработал свой категориальный аппарат в процессе анализа эмпирического материала, а скорее подобрал подходящие иллюстрации под заранее сформированную терминологию. Ключевым концептом в анализе Коллинза является «конфронтационная напряженность и страх», то есть такое физиологическое и эмоциональное состояние участников взаимодействия, преодоление которого возможно только посредством насилия. Коллинз утверждает, что насилие случается редко и совершается

неумело потому, что людям, как правило, трудно преодолевать напряженность и страх. В этом утверждении содержатся сразу два допущения, заслуживающих последовательного и скрупулезного обоснования в анализе. Как объясняет автор, преодоление состояния конфронтации требует дисбаланса эмоциональной энергии (или, по-другому, «асимметрии вовлеченности») между взаимодействующими сторонами. Для малочисленного круга людей, осуществляющих насилие профессионально и не ввиду личных мотивов, дополнительно работают более специфические механизмы, которые Коллинз затрагивает в Главе X («Элита насилия», с. 697–769), а для условного большинства он описывает два основных сценария того, чем оборачивается дисбаланс эмоциональной энергии: «наступательная паника» и «нападение на слабого». Первый характерен для тех, кто в большей степени эмоционален и стремительно атакует, поддавшись импульсу. Второй сценарий разворачивается при оценке сил самими участниками как неравных: толпа на одного, взрослый против ребенка и тому подобное. В обоих случаях ключевую роль играет успешное доминирование в пространстве эмоционального внимания агрессора над жертвой. Это достигается вербальными средствами вроде пререканий и бахвальства, причем «слабая» сторона тоже вносит свой вклад, поддаваясь «нытью». Вообще сложно не заметить, как просто — и оттого спорно — Коллинз работает с понятиями «жертвы» и «виктимности» (с. 294–307, 361–367):

245

Те, кто совершает насилие, чем-то напоминают легендарных вампиров, которым придает поддержку кровь их жертв. Однако вампир от насилия получает кровь, необходимую ему для того, чтобы остаться в живых не потому, что его жертвы — здоровые существа. Он проникает в их вены именно потому, что они являются социально слабыми. Эта метафора одновременно является и шокирующей, и неточной. Перед нами интеракционный симбиоз: тот, кто стал специалистом по насилию, обнаруживает нишу, где наживу может приносить чья-то слабость во взаимодействии (с. 367).

Если же баланс удерживается, то состояние напряженности/страха сходит на нет во взаимной перепалке, которая, как считает Коллинз, заменяет насильственные действия. В противном случае, то есть по факту реализации насилия, агрессор получает дополнительный прилив энергии, который может ввести его в «туннель насилия». В ряде случаев, которые Коллинз объединяет в главу «Насилие как забава и развлечение», «туннель» превращается в «моральные каникулы».

Также Коллинз рассматривает эффекты, которые производит «аудитория», то есть наблюдатели и свидетели конфронтации: они могут либо вносить свой вклад в эскалацию насилия, подбадри-

вая и поддерживая эмоциональный заряд действующих лиц, либо, наоборот, препятствовать его реализации, удерживая оппонентов в рамках «нормального» социального взаимодействия, в том числе перевода конфронтацию в форму «постановочного насилия», в частности поединка.

Подробное последовательное описание категорий анализа Коллинза приводится в другой свежей рецензии на книгу (Малахов 2025), а квинтэссенция его теории — такая:

Конфронтации вызывают напряженность и страх, которые препятствуют совершению реального насилия; эмоциональная напряженность разрешается насильственной атакой только при наличии слабой жертвы либо в тех случаях, где у конфликта имеются страховочные «костыли» в виде поддержки публики, что позволяет превратить его в постановочный поединок, который ведется в пределах социально устанавливаемых ограничений (с. 690).

246

Я же хочу задаться вопросом, какими методологическими приемами Коллинз руководствуется в своем анализе, чтобы прийти к этим категориям. Начнем с того, как именно те или иные ситуации попали в выборку и могли быть маркированы как насильственные, а не прочие. Большая часть наблюдений, вошедших в книгу, — это видеосюжеты и фотографии, произведенные не под исследовательские цели, но эту методологическую проблему Коллинз обсуждает исключительно в ключе (не)удобства анализа, (не)достаточной наглядности, (не)удачного ракурса и качества съемки (с. 42). В продолжении хотелось бы видеть более развернутую методологическую рефлексию об ограничениях самого исследовательского взгляда и прояснения аналитических алгоритмов, которые позволяют социологу совершать отбор таких эмпирических свидетельств и далее приходить к выводам в таком духе:

Около трети солдат (30%) испытывают либо сильный, либо легкий страх. Еще треть (32%) находятся в промежуточном состоянии напряженности и сосредоточенности. Четверть (26%) сохраняют спокойствие и нейтральные эмоции. Можно предположить, что именно последняя группа будет проявлять наибольшие умения в бою, однако солдаты, сохраняющие спокойствие, могут с одинаковой вероятностью обнаружиться как среди тех, кто не стреляет, так и среди тех, кто ведет огонь из своего оружия (с. 155–156).

Коллинз то и дело обращается к проблематике макросоциологического порядка, но реагирует на макросоциологические аргументы из плоскости ситуационного взаимодействия, где они, в силу законов социологии и только, неизбежно растворяются в ничто (становятся фоном). Сколь бы ни был внушителен в своих масштабах

перебор отдельных наблюдений, он никогда не сможет оспорить однажды установленную статистически значимую связь между двумя переменными, равно как обнаружение черного лебедя не списывает со счетов всех белых. Словно заячьи уши из цилиндра, спекуляции отвлекают внимание от действий рук иллюзиониста. И все же в некоторых местах повествования разрывы между логическими порядками зияют более явно — например, когда Коллинз рассуждает о связи насилия и опьянения (с. 501–513). Он сразу преподносит эту тему в виде парадокса, формулируя вопрос предельно риторически: «Парадокс: почему наркотическое или алкогольное опьянение в большинстве случаев не приводит к насилию?» (с. 501). Такая постановка вопроса подразумевает как минимум статистический анализ корреляционной связи между какими-либо конкретными показателями, измеряющими «насилие» и «опьянение», а как максимум — комплекс аналитических процедур, выявляющих факторы, которые могли бы претендовать на объяснение («почему»), однако вместо этого Коллинз погружается в гущу эмпирических наблюдений разного рода, присовокупив к ним совершенно несопоставимые между собой вторичные данные из разных источников, где каждый раз искомой переменной выступает нечто новое. И уже несколько страниц спустя исследовательский вопрос звучит как бы наоборот: «Почему же так мало случаев, когда опьянение приводит людей к насилию?» (с. 508). Помимо эффекта перевертыша, по-прежнему смущает отсылка к количественному измерению («мало случаев»), поскольку едва ли этот вопрос подходит для микросоциологического исследования. Если тут имеет место парадоксальность, то не та, которую показывает автор, а методологическая.

247

Коллинз изначально заявляет, что не видит смысла искать объяснение насилию в чертах лиц, его совершающих (с. 34), — это вполне допустимый ход. Однако если потенциально стигматизирующие характеристики индивидуального порядка выносятся за рамки исследования вместе с макросоциологическими объяснительными моделями, то непонятно, зачем требуется дополнительно опровергать — в общем и целом — влияние состояний наркотического или алкогольного опьянения на факты насилия, да еще и так неубедительно. К тому же буквально спустя сотню страниц (в масштабах произведения это всего ничего) Коллинз прямым образом сравнивает насильственное поведение спортивных болельщиков с наркотическим «приходом» и подробно описывает, как футбольные фанаты творят беспредел, закономерным образом напиваясь в пабах (с. 607–609). И в других местах, вопреки собственной установке, Коллинз делает не что иное, как объясняет социальные механизмы ситуационного взаимодействия с конфронтационной напряженностью через индивидуальные характеристики, например:

Почему не произошла эскалация схватки? На тот момент Драйзеру был 61 год, но с его ростом шесть футов один дюйм [185 сантиметров] и весом более 200 фунтов [91 килограмм] он был крупнее и сильнее высокого и худощавого 46-летнего Льюиса — этот момент помогает объяснить как готовность Драйзера перейти к рукоприкладству, пусть и не очень серьезному, так и то, что Льюис ограничился лишь словесным ответом (с. 690).

Или здесь:

Приемы, позволяющие киллерам добиваться успеха, имеют психологический и интеракционный характер. Поэтому профессиональные киллеры часто имеют средний рост, а то и меньше, и не обязательно обладают значительной физической силой (с. 800).

248

В заключительной Главе XII («Эпилог. Практические выводы») совершенно неожиданно автор обращается к «реальным людям», проживающим ту жизнь, «которая существует в действительности, а не в риторике выступлений официальных лиц по формальным поводам» (с. 853). Это обращение и идущие следом десять рекомендательных пунктов сбивают с толку. Едва ли Коллинз, тут же упрекающий политиков в наивном упрощении социальных проблем вроде насилия до риторических лозунгов (с. 854), сам наивно полагает, что практические рекомендации этой книги дойдут до условных «обывателей» (в обоих смыслах: окажутся у них на глазах и окажутся ими поняты). Так или иначе, читаются они весьма странно:

Сталкиваясь с полицейскими, помните о том, что они способны впадать в наступательную панику. Ваша задача — снизить конфронтационную напряженность правоохранителей. Если вы видите в этом утрату собственного достоинства, не забывайте, что, успокаивая людей, вы берете на себя эмоциональную ответственность за ситуацию. Проявляйте к этому моменту особое внимание, если полицейских на месте происшествия становится все больше (с. 855).

Даже если дело в непреодолимом разрыве пространственно-временного континуума — из 2025 года в России уже невозможно представить, как читались эти строки в первое десятилетие после 9/11 в США, — когда читаешь подобное резюме непостижимого объема проделанной работы, открытым остается вопрос целесообразности микросоциологического анализа и выбора концептуальных средств. В другом пункте происходит то самое бесшовное прилаживание макросоциологической повестки к антропологическим наблюдениям, когда в одном предложении в узы причинно-следственных отношений попадают «тонкости восприя-

тия уличного кодекса» отдельными горожанами и «межрасовая напряженность», дескать, повышение первой должно (sic!) влиять на снижение второй:

Учитесь у «черного» уличного кодекса неблагополучных районов. Попробуйте отличать вызывающее поведение, направленное на защиту и произведение эффекта, от тех вызовов, когда кто-то всерьез нарывается на драку, — как утверждает Элайджа Андерсон, демонстрация владения уличным кодексом по большей части относится к первому случаю. Подобная тонкость восприятия уличного кодекса белыми горожанами и другими группами должна оказать важное воздействие на снижение межрасовой напряженности (с. 856).

Проще говоря, теорию насилия Коллинза, описанную в книге, недостаточно назвать микросоциологической. Он и сам не пытается ограничивать себя в методологическом плане, когда формулирует свое методологическое правило «следующим образом: пусть процесс исследования сам определит свои границы» (с. 79). И судя по массиву текста, который явно превосходит границы даже целой книги, продолжаясь в последующих публикациях, Коллинз этого правила искренне придерживается. Правда, изначально позволив процессу исследования самоопределяться, в заключении он не считает нужным апостериори прояснить ограничения этого процесса, лишь констатируя, что множество разновидностей изучаемого феномена, «включая изнасилования (которые, в свою очередь, имеют собственные подтипы), пытки, геноцид, серийные убийства и расстрелы в школах, вообще остались за пределами рассмотрения в этой работе» (с. 853). К слову, эти темы не получают полноценного рассмотрения и в последующих работах (Collins 2020, 2022).

249

Итак, пафос теории Коллинза состоит в идее, что насилие идет вразрез с природой взаимодействия и поэтому дается индивидам трудно, а не легко. Тезис этот, однако, не обходится без исключений и уточнений. Коллинз вынужден признать существование так называемой «элиты насилия» — понятие, опять же, привнесенное в качестве готовой категории, нежели выращенное из эмпирических наблюдений. Коллинз признает, но еще не проблематизирует этот аспект в рамках этой книги, однако возвращается к нему в двух последующих: «Харизма» (2020) и «Взрывной конфликт» (2022). Далее, говоря о ситуациях, в которых условные «обычные люди» преодолевают затруднения в реализации насилия, Коллинз старательно демонстрирует, что в большинстве своем насилие протекает чрезвычайно стремительно и без значительных последствий, потому что, как правило, осуществляется неумело или остается в рамках социального порядка, принимая разнообразные формы вроде бахвальства, демонстрационного жеста и проч. Как соотносится это

с историческими свидетельствами и корпусом научной литературы о пытках, геноциде и проч., Коллинз не утруждается прояснить.

Безусловно, эта книга богата любопытными фактами и ценными наблюдениями, что делает ее востребованной в широком кругу читателей, однако в стремлении постичь эту работу как цельную микросоциологическую теорию насилия стоит не поддаваться уверенному стилю Коллинза и оставить за собой право на интерпретацию и объяснение происходящего у нас на глазах.

Список источников / References

Коллинз Р. (2002) *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения* / Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. — 1280 с.

— Collins R. (2002) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change* / N. S. Rozov & Yu. B. Vertgeym, trans. from English. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. — 1280 p. (in Russ.)

Коллинз Р. (2025) *Насилие: микросоциологическая теория* / Пер. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение. 978-5-4448-2594-5

— Collins R. (2025) *Violence. A Micro-sociological Theory* / N. Protsenko, trans. Moscow: New Literary Review. — in Russ.

Малахов В. (2025) Все, что вы хотели узнать о насилии, но боялись спросить. Рецензия на книгу: Коллинз Р. (2025) *Насилие. Микросоциологическая теория* / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение. *Социологическое обозрение*, 24(2), с. 274–281. doi: 10.17323/1728-192x-2025-2-274-281

— Malakhov V. (2025) Everything you wanted to know about violence, but were afraid to ask. Book Review: Collins R. (2025) *Violence. A Microsociological Theory* / Trans. from English by N. Protsenko. Moscow: New Literary Observer. *The Russian Sociological Review*, 24(2), pp. 274–281. doi: 10.17323/1728-192x-2025-2-274-281. — in Russ.

Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x0rs3.6>

Collins R. (2020) *Charisma: Micro-sociology of Power and Influence*. Routledge.

Collins R. (2022) *Explosive Conflict: Time-Dynamics of Violence*. Taylor & Francis Group.

Об авторе / About the author

Чудина (Врублевская) Полина Викторовна — магистр социологии РАНХиГС, МВШСЭН и Манчестерского университета, докторант Академии Або, независимый исследователь. Научные интересы: социология сообщества, community studies, теория сакрального, индивидуализм.

<https://orcid.org/0000-0001-7005-9591>. E-mail: pvrublevskaya@gmail.com

Polina V. Chudina (Vrublevskaya) — Master of Arts in Sociology (RANEPA and Manchester University), PhD candidate at Abo Akademi, an independent researcher. Research interests: sociology of community, community studies, theory of sacred, and individualism.

<https://orcid.org/0000-0001-7005-9591>. E-mail: pvrublevskaya@gmail.com